

ИСТОРИОГРАФИЯ

С.В. Кондратьев, Т.Н. Кондратьева*

А.Д. ЛЮБЛИНСКАЯ VERSUS Б.Ф. ПОРШНЕВ: ЧТО БЫЛО НЕ ТАК В КНИГЕ «НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ ВО ФРАНЦИИ ПЕРЕД ФРОНДОЙ»?

Авторы статьи анализируют перипетии драматического обсуждения книги известного советского историка Бориса Федоровича Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» накануне выдвижения ее в 1948 г. на Сталинскую премию. После первых положительных и даже восторженных отзывов, крайне резко отрицательно об этой монографии отозвалась ленинградский историк Александра Дмитриевна Люблинская. В критике А.Д. Люблинской отсутствовали личные мотивы. При оценке книги она руководствовалась сугубо профессиональными стандартами. В теоретической части ее не устроила его трактовка буржуазии и социальные характеристики абсолютистского государства, которое он считал «буржуазным» по социальному составу носителей власти, «дворянским» и даже «феодалным» по своей сущности. А.Д. Люблинская высказала несогласие с тем, что восстания пугали абсолютизм, а Фронда была неудавшейся буржуазной революцией. Однако главным объектом ее критики стал подход Б.Ф. Поршнева к изучению рукописных источников. На многочисленных примерах она показала, что автор книги не только неверно их трактует, но даже ошибочно переводит. Источниковедческий анализ позволил ей сделать общий вывод о недостоверности выводов книги в целом. Критика А.Д. Люблинской существенно повредила репутации Б.Ф. Поршнева в профессиональной среде.

---

* *Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, skondratiev@utmn.ru*

Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета, ktamara1960@yandex.ru

Sergey Kondratiev, Dr. Hab. (History), Professor Department of Modern History and World Policy, Tyumen State University, skondratiev@utmn.ru

Tamara Kondratieva, PhD (History), Associated Professor Department of Document Management and Document Supporting of Administration, Tyumen State University, ktamara1960@yandex.ru

Ключевые слова: историография, Б.Ф. Поршневу, А.Д. Люблинская, народные восстания во Франции перед Фрондой.

Цитирование: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. А.Д. Люблинская versus Б.Ф. Поршневу: Что было не так в книге «Народные восстания во Франции перед Фрондой»? DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 257-292.

Поступила в редакцию 15.05.2020

Принята к печати 22.05.2020

Sergey Kondratiev, Tamara Kondratieva

**ALEXANDRA LUBLINSKAYA VERSUS BORIS PORSHNEV:
WHAT WAS WRONG IN THE BOOK
«POPULAR UPRISINGS IN FRANCE BEFORE THE FRONDE
(1623-1648)»**

The authors of article considers the dramatic discussion on the book by the prominent Soviet historian Boris Porshnev « Popular Uprisings in France before the Fronde, 1623–1648 ». on the eve of its nomination in 1948 for the Stalin prize. After the first positive or even complimentary reviews, the Leningrad historian Alexandra Lublinskaya gave a sharply negative response to the monograph. There were no personal motives in her criticism. Estimating this book she has been guided strictly by professional standards. In the theoretical part she was not satisfied by Porshnev's interpretation of the bourgeoisie and of the social characteristics of the absolutist state which he considered to be « bourgeois » in the social structure of the rulers, « noble » and even « feudal » in its essence. Lublinskaya was not agree that the uprisings scared absolutism, and that the Fronde was an unsuccessful bourgeois revolution. But the main object of criticism was the methods of Porshnev's work with the manuscripts. Basing on numerous examples, she showed that the author of the book not only misinterpreted sources, but even wrongly translated them. Such analysis allowed Lublinskaya to make a general conclusion on the book's unreliability as a whole. Undoubtedly her criticism undermined the author's reputation among professional historians.

Keywords: historiography, B. Porshnev, A. Lublinskaya, popular uprisings in France before the Fronde

For citation: Kondratiev S., Kondratieva T. (2020). A.D. Lyublinskaya versus B.F. Porshnev: Chto bylo ne tak v knige «Narodnyye vosstaniya vo Frantsii pered Fronдой»? [Alexandra Lublinskaya versus Boris Porshnev: What was wrong in the book «Popular uprisings in France before the Fronde (1623-1648)»?] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292. *Annual of French Studies* 2020. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 257-292.

Submitted: 15.05.2020

Accepted: 22.05.2020

Введение

В 2003 г. мы выпустили книгу, посвященную спорам советских историков 1920-х – 1950-х гг. о французском абсолютизме, где, в частности, посетовали на то, что не все зафиксированные в архивных описях документы по данной теме оказались нам доступны¹. Эти сетования в значительной степени относились к невозможности нам тогда получить на руки протоколы состоявшихся в 1948 г. обсуждений книги Б.Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)». Теперь эти документы открыты для исследователей. Наш приятный долг – выразить признательность людям, которые первыми проинформировали нас об этом и предоставили возможность поработать с указанными материалами. Это – ведущий научный сотрудник ИРИ РАН Виталий Витальевич Тихонов; старший научный сотрудник ИРИ РАН Константин Сергеевич Дроздов и старший научный сотрудник СПБНИИ РАН Наталья Брониславовна Срединская.

О книге Б.Ф. Поршнева

В 1948 г. увидела свет великая книга Бориса Федоровича Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)»². Великая по размеру: в ней насчитывалось 729 страниц, включая 79 документов из архива канцлера Сегье, хранящегося в Отделе рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина³ (далее: ОР ГПБ). Великая по своему значению: она оказала огромное влияние не только на советское, но и на всё мировое франковедение.

¹ *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е–начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003. С. 3-4.

² *Поршнева Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.– Л., 1948.

³ В настоящее время Российская национальная библиотека.

Книга автора выросла из его докторской диссертации⁴, хронологический охват которой вдвое превышал монографию. В диссертации Поршневу выделял два цикла восстаний (1620–1640 и 1650–1670 гг.), которым были посвящены два больших раздела. Между ними он разместил главу о Фронде⁵. Первоначально историк, вероятно, намеревался, несколько выправив текст и дополнив его опубликованной в 1940 г. статьей «Чем было "третье сословие" во Франции XVII века?», издать докторскую диссертацию в виде монографии⁶. Но что-то пошло не так и от первоначального замысла автор отказался. Узнать его мотивы и мотивы Института истории, опубликовавших, в конечном счете, только первую часть, затруднительно. Гипотетически можно предположить, что повлияли три фактора:

1) Главное замечание оппонентов на защите состояло в том, что автор не использовал архивный материал⁷. Находящийся же в Ленинграде архив канцлера Сегье (коллекция П.П. Дубровского) позволял идеально решить эту проблему только для первой части диссертации. Содержащиеся в нем документы давали возможность, не меняя ничего в тексте по существу и концептуально, проиллюстрировать его рукописным материалом. Относительно «массовых восстаний», как признавал сам Поршневу, долгое время существовал «скепсис», поэтому, пишет он, «я захотел в книге поднести эти документы к самому носу сомневающимся и заставить их пройти со мной весь путь от источников до выводов»⁸.

2) Диссертация, вероятно, оказалась слишком велика, чтобы ее можно было публиковать целиком. Кроме того, после дополнения первой части архивным материалом она, очевидно, выросла в объеме, что нарушило изначально сбалансированную композицию.

⁴ Между докторской и книгой, говорил Б.Ф. Поршневу, «немалый путь». См.: Архив Института Российской истории (Далее: АИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 195.

⁵ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Борис Поршневу во второй половине 1930-х гг.: от «Мемуаров» де Реца к Фронде и народным восстаниям // ФЕ 2019. Т. 52. М., 2019. С. 429-433.

⁶ Там же. С. 434-435.

⁷ Там же. С. 433. Проверить, насколько правы были оппоненты в этом своем утверждении из-за отсутствия текста диссертации, не представляется возможным. Думается, Поршневу работал с архивом Сегье уже во второй половине 1930-х гг. См.: Там же. С. 428. В большой статье, опубликованной в 1940 г., он упоминает документы из архива Сегье, а одно из донесений оттуда даже подробно пересказывает и цитирует на трех страницах. Правда, делает он это без указания фондов, номеров дел и т.п. См.: Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции 20–40 гг. XVII в. // Ученые записки Московского Областного Педагогического института. 1940. Т. 2. С. 27-28, 30-34, 46, 50.

⁸ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 205.

3) Представляется, что Поршнев в середине 1940-х гг. принял решение подготовить книгу для получения Сталинской премии, которая была учреждена в 1939 г. Насыщенная же архивным материалом первая часть, полностью отвечавшая теоретической концепции автора, лучше всего соответствовала формальным и неформальным требованиям Комитета по Сталинским премиям. Вероятно, Поршнев спешил, а переделывание всей диссертации в монографию требовало намного больше времени. Между тем, еще в годы Великой Отечественной войны Поршнев приступил к изучению истории Тридцатилетней войны, 300-летие которой приходилось на 1948 г. Впрочем, вторую часть диссертации он обещал издать позднее⁹.

Как бы то ни было, монография, за которую Поршнев получил Сталинскую премию, представляла собой первую часть его докторской диссертации 1940 г., проиллюстрированную рукописными источниками.

В первой части диссертации им было изучено более 100 восстаний¹⁰, которые в монографии распределены между первой и второй частями. Как и в диссертации, автор соединил «обобщающий метод с локальным» и дал хронологическую сводку и характеристику, по его словам «не претендующую на полноту», большого количества восстаний 1623–1648 гг., выделив среди них, как центральное, восстание «босоногих» в Нормандии 1639 г. и постаравшись описать его детально во второй части книги. Третью часть книги составила теоретическая глава диссертации о Фронде и буржуазии, предварявшая в диссертации вторую часть, а в книге призванная «носить характер эпилога»¹¹. Таким образом, две первые части книги были написаны на эмпирическом материале, а третья часть представляла собой их теоретическое обобщение.

⁹ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 29.

¹⁰ Сколько в действительности Б.Ф. Поршнев изучил восстаний сказать затруднительно. Книга выросла из докторской диссертации и упоминание о 75 восстаниях в первой части диссертации можно встретить в ранних публикациях историка. См.: Поршнев Б.Ф. Крестьянские и плебейские восстания во Франции XVII-XVIII вв. // Историк-марксист. М., 1939. № 4. С. 86. В книге Поршнев полагает, что для 1623–1648 гг. можно говорить о «нескольких сотнях» городских восстаний, а его «крайне несовершенная сводка охватывает более сотни». См.: Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 130–131. А.Д. Люблинская специально пересчитала все городские восстания, упомянутые в книге, и выяснила, что их 118. См.: АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 113.

¹¹ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 30; *Он же*. Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2003. Вып. 3. С. 196.

Содержание монографии Поршнева хорошо известно. Автор нарисовал картину многочисленных народных движений – городских и сельских волнений, плебейских и крестьянских восстаний, – направленных против феодализма и абсолютизма, и констатировал укрепление и совершенствование государственного аппарата абсолютизма в борьбе с восставшими. Отдельно историк останавливался на роли буржуазии в этих движениях. Буржуазия, по его словам, первоначально занимала нейтральную позицию, а затем на стороне власти участвовала в подавлении народных выступлений. Кульминацией борьбы с «феодално-абсолютистским строем» стала Фронда, которую Поршнева считал неудавшейся буржуазной революцией и репетицией Французской революции XVIII в. Поражение Фронды было обусловлено, по его словам, «предательством буржуазии», оказавшейся исторически неготовой возглавить крестьянско-плебейское движение. «Народные массы» стали главной движущей силой Фронды как «неудавшейся революции», от которых буржуазия, в конечном счете, отошла будучи не готова пока к своей исторической миссии – свержению абсолютизма и феодализма, и которые к своей выгоде использовала феодальная аристократия¹².

Поршнева подчеркивал тесную интеграцию буржуазии в абсолютистское государство, которое, согласно марксистской теории, считалось государством дворян. Природа буржуазии XVII в., по словам Поршнева, была двойственной и компромиссной. По происхождению буржуазия была «капиталистической», а по устремлениям и установкам – «дворянской». Она «врастала <...> в феодально-абсолютистский строй» посредством отказа от промышленной и торговой деятельности. Службой и приобретением должностей и земли происходило «массовое превращение» буржуазии в чиновничество (офисье, дворянство мантии). Имущество буржуазных по происхождению должностных лиц XVII в., отмечает Поршнева, ссылаясь на книгу Р. Мунье¹³, состояло из земли (фьефы), рент и должностей. Вливаясь в ряды дворянства и приобретая налоговый иммунитет, буржуазия утрачивала свои классовые признаки. Природа буржуазии XVII в., считал Поршнева, была

¹² Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 29, 571-639; Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е–начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003. С. 145-151.

¹³ Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1945.

двойственной и компромиссной. Ее историческая миссия – свергнуть абсолютизм, которая будет осуществлена в конце XVIII в., в XVII в. вытеснялась стремлением к аноблированию¹⁴. У дворянства мантии, писал он метафорически, корни буржуазные, а «ветви сплелись с феодально-абсолютистским господством <...>. Корни тянули его в одну сторону, а крона – в другую», в сторону защиты дворянско-буржуазного строя¹⁵. А вот еще одна его метафора: «В теле французской буржуазии боролись две души – феодальная и капиталистическая»¹⁶. Поршнев несколько парадоксально утверждал, что в абсолютистском дворянском государстве аппарат управления «обособляется» от дворянства, а само государство состоит из буржуазных по происхождению чиновников, представляющих и защищающих «собираательные интересы всего дворянства»¹⁷.

О работе советского историка довольно быстро узнали за границей, а затем последовали ее переводы почти на все европейские языки¹⁸. Во Франции в силу «значимости» вклада в изучение этого периода, сделанного советским ученым, XVII в. был назван «поршневым временем»¹⁹. В СССР монография Поршнева встретила восторженный прием: рецензенты либо вообще не обнаружили в ней никаких изъянов (Б.Г. Вебер, Р. Самойлов), либо упоминания о недостатках носили ритуальный характер (З.В. Мосина, А.З. Манфред)²⁰. В 1950 г. книга получила искомую Сталинскую премию 3 степени²¹, что означало высокое государственное признание исследовательских достижений автора и отчасти приподнимало его над остальными советскими медиевистами, к которым он себя причислял в середине 1930 – начале 1950 гг.

Впрочем, выдвижение его на премию сопровождалось интригой, поскольку Поршнев имел немало недоброжелателей и в секторе истории Средних веков, и в Институте истории АН СССР в целом. Тем не менее, проявив удивительную изворотливость, он добился своего. Выдвижение, судя по косвенным данным, по-

¹⁴ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 590- 630.

¹⁵ Там же. С. 414.

¹⁶ Там же. С. 571.

¹⁷ Там же. С. 618 – 619.

¹⁸ Гордон А.В. Историк железного века. М., 2018. С. 217.

¹⁹ Там же. С. 175.

²⁰ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать». С. 151-152.

²¹ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб, 2016. С. 84, 365.

видимому, ему обеспечила З.В. Мосина²², являвшаяся членом партбюро института. Источники сохранили более поздние упреки коллег в ее адрес из-за того, что она сделала это, не заручившись мнением других коммунистов²³. В дальнейшем, ученый совет института, вероятно, просто поддержал решение сектора истории Средних веков.

Однако после получения Сталинской премии Поршневу, спустя всего несколько лет, утратил связь с медиевистикой. Думается, тому было три причины: обсуждение его книги, произошедшее в 1948 г. в Ленинграде и Москве; обсуждение, вылившееся в осуждение его четырех статей о роли классовой борьбы в истории (1951–1952) и основательно подорванный авторитет среди медиевистов Москвы и Ленинграда. Вторая и третья причины достаточно подробно охарактеризованы в историографии²⁴. История же обсуждений 1948 г. пока не получила исчерпывающего освещения. В ленинградском и московском заседаниях участвовало не менее полутора десятков человек, но тон им задавали резкая и порой саркастическая критика А.Д. Люблинской и энергичная защита своей книги Б.Ф. Поршневым, порой отвечавшему на критику критикой. Настоящая статья посвящена той роли, которую сыграла Александра Дмитриевна Люблинская в обсуждении монографии Б.Ф. Поршнева.

А.Д. Люблинская и Б.Ф. Поршневу в конце 1930-х–1940-е гг.

Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) к концу 1940-х гг. считалась признанным знатоком французской истории раннего Нового времени, по которой она в 1940 г. защитила кандидатскую дис-

²² Мосина Зоя Васильевна (1898–1953), кандидат исторических наук, была специалистом по истории Франции XVI – XVII вв.

²³ На это указывают протоколы партбюро Института истории АН СССР. В протоколе заседания партбюро с активом Института истории АН СССР от 29 декабря 1948 г. зафиксированы слова С.А. Асиновской: «Нельзя было тов. Мосиной без согласования с партгруппой ставить вопрос о выдвижении книги на Сталинскую премию». Эта формулировка практически дословно была включена в резолюцию заседаний партбюро Института истории от 12 января 1949 г.: «Не согласовано было с партгруппой выступление т. Мосиной, внезапно выдвинувшей книгу Б.Ф. Поршнева на Сталинскую премию, в то время как этот вопрос при наличии большого количества замечаний по поводу книги должен был быть тщательно подготовлен». В протоколах звучат также глухие намеки на то, что при выдвижении в секторе истории Средних веков З.В. Мосину активно поддерживал М.М. Смирин, ссылаясь на мнение А.М. Митина, занимавшего тогда пост заведующего сектором Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП (б). См.: Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 211. Оп. 2. Д. 9. Л. 201- 202; Д. 14. Л. 17. О добрых отношениях А.М. Митина и Б.Ф. Поршнева см.: Тихонов В.В. Указ. соч. С. 84–86.

²⁴ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать». С. 182–239; Тихонов В.В. Цит. соч. С. 84–86, 93–94, 100, 147–151, 218–220, 267.

сертацию. Кроме того, она была также уникальным специалистом по латинской и западноевропейской палеографии и дипломатике. Люблинская владела теми редкими исследовательскими навыками, которые были во многом утрачены в СССР, поскольку часто казались совершенно лишними и только мешающими трактовать историю в духе директивно утвержденных схем. Пройдя выучку у О.А. Добиаш-Рождественской²⁵, Люблинская долго совершенствовала и оттачивала мастерство чтения и атрибуции средневековых западноевропейских манускриптов. Помимо основного места работы – Рукописного отдела ГПБ – она читала курсы палеографии, источниковедения и вела по ним практические занятия в Ленинградском университете, а также в МГУ, когда оказалась в Москве во время Великой Отечественной войны. В столице Люблинская близко сошлась с московскими медиевистами, которые даже приглашали ее остаться в МГУ и не возвращаться в Ленинград²⁶.

С Поршневым Люблинская была, вероятно, знакома с 1930-х гг., поскольку он часто наезжал в Ленинград, откуда был родом, и работал в ГПБ. Сам он отмечал, что натолкнулся на архив Сегье «довольно случайно в 1933 г.», что представляется несколько сомнительным. А вот то, что он узнал об этом архиве от кого-то из работников Рукописного отдела ГПБ или, быть может, от самой Люблинской, представляется более правдоподобным²⁷. В 1933 г., уже занимаясь

²⁵ Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874-1939), историк-медиевист, палеограф, член-корреспондент АН СССР, автор работ на русском и французском языках по западноевропейскому средневековью и латинской палеографии.

²⁶ Вольфун Л.Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб, 2008. С. 113-164.

²⁷ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 7. Архив самого Б.Ф. Поршнева, действительно, содержит выписки из архива Сегье, в том числе, датированные 1930 г. Относительно «довольно случайно в 1933 г.», думается, в этих словах Поршнева, склонного подчеркивать свое первенство, есть доля преувеличения. Вероятно, эти документы в какой-то части были известны В.В. Бирюковичу, который изучал тот же период и защитил по нему докторскую диссертацию. Поршнев был у Бирюковича оппонентом на защите, а затем Бирюкович осуществлял научное руководство кандидатской диссертации Люблинской, о чем сохранились ясные указания. См.: Бирюкович В.В. Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг. / Сост., вступ. ст., биография, коммент., послесл. О.И. Зезеговой. Сыктывкар, 2015. С. 25, 109; Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве // Историк-марксист. 1939. Кн. 5-6. С. 278- 279; Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать». С. 67; Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев и Александра Дмитриевна Люблинская: к истории взаимоотношений // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 2. С. 179. Кроме того, в конце 1932 – 1933 гг. Поршнев только начал переход из русистов во франковеды, собирая материал для вводной статьи к планируемому изданию переводов «Мемуаров» де Реца и одновременно разыскивая в Москве и Ленинграде письма Печерина (См.: Кондратьева Т.Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратили Бориса Федоровича Поршнева

сбором материалов для вводной статьи к переводимым Н.М. Гнединой «Мемуарам» кардинала де Реца, он, похоже, еще не подозревал, что вскоре станет франковедом. Его увлекал, судя по письмам Я.З. Черняку, поиск эпистолярного наследия В.С. Печерина, и работу над де Рецем он считал, вероятно, временной. В августе 1934 г. Поршневу приезжал в Ленинград для работы с письмами Печерина, хранившимися в Пушкинском Доме²⁸. Не исключено, что, будучи работником библиотеки им. В.И. Ленина и доверенным лицом ее директора В.И. Невского, он мог посещать ГПБ им. Салтыкова-Щедрина на несколько более привилегированных началах, чем обычный посетитель. Тогда же, в 1934 г., Люблинская после четырехлетнего перерыва вернулась на работу в ОР ГПБ²⁹. В 1936 г., когда Поршневу уже полностью отдался исследованиям народных движений во Франции, Московское отделение ГАИМК, куда он перешел на работу из библиотеки им. В.И. Ленина, командировало его в Ленинград³⁰. Упоминания о документах из архива Сегье и их цитирование, как мы указывали, появляются в его работе 1940 г., и это свидетельствует о том, что Поршневу уже с ними работал, хорошо знал людей из ОР ГПБ и, определено, Люблинскую.

Во время пребывания Люблинской в Москве в годы войны оба историка были вполне доброжелательны друг к другу³¹. В первые послевоенные годы у Поршнева обострились отношения с О.Л. Вайнштейном, заведующим кафедрой истории Средних веков Ленинградского университета. Они параллельно и независимо друг от друга занялись одной и той же темой «Тридцатилетняя война и Россия». Московский историк даже обращался в ректорат ЛГУ, «добиваясь», чтобы Вайнштейн оставил эту проблему³².

во франковеда // Новый исторический вестник. 2016. № 4. С. 146-148). Наконец, уровень описания и каталогизации рукописей из коллекции П.П. Дубровского, частью которой был архив Сегье, был таков, что «натолкнуться» на него случайно было невозможно. Поршневу могли на него только «натолкнуть» работающие в ГПБ сотрудники. Весьма вероятно, что это могла сделать сама Люблинская, занимавшаяся, среди прочего, описанием французских рукописей. См.: *Вольфиун Л.Б.* Указ. соч. С. 122-127.

²⁸ *Кондратьева Т.Н.* Б.Ф. Поршневу в поисках наследия русского католика В.С. Печерина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Том 1. № 1(1). С. 125-128.

²⁹ *Вольфиун Л.Б.* Цит. соч. С. 122.

³⁰ *Кондратьева Т.Н.* Б. Ф. Поршневу в Московском отделении ГАИМК // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 187.

³¹ *Вольфиун Л.Б.* Цит. соч. С. 149, 151.

³² Государственный архив Одесской области. Ф.7400. Оп. 2. Д. 18. Л. 3. Письмо О.В. Вайнштейна С.Я. Боровому от 14.01.45. В этом же письме О.В. Вайнштейн информировал, что «закончил свою монографию о 30-летней войне».

Люблинская, вернувшись в Ленинград в конце 1943 г., хотя и работала на часть ставки на кафедре Средних веков ЛГУ, но основным местом ее работы оставалась ГПБ³³. Поэтому разногласия между Вайнштейном и Поршневым вряд ли как-то сказались на ее отношениях с Поршневым³⁴. Они состояли в переписке, которая свидетельствует о том, что Поршнев часто обращался к Люблинской за консультациями по палеографии, просил посмотреть отдельные коллекции рукописных документов по интересующим его сюжетам, сделать и прислать копии. В январе 1946 г. Поршнев писал, что его «ротокопии рукописей ГПБ, касающиеся восстаний XVII в., не полны», это «задерживает печатанье <...> книги», и просил срочно известить, будут ли рукописи «на месте и доступны» к его приезду в феврале³⁵. Через год Поршнев сообщил Люблинской в Ленинград, что получил долгожданные ротокопии «все полностью, кроме одной страницы». Они расшифрованы и «включены» в книгу. Он писал, что именно тогда принял решение об окончательном названии своего труда – «Народные восстания во Франции перед Фрондой (20–40-е гг. XVII в.)». Предупреждал, что будет «мучить» ее консультациями по палеографии, поскольку не может сам «расшифровать» несколько писем и спрашивал возможность прислать ей список неподдающихся прочтению «мест». Также он прозрачно намекал на то, чтобы она посмотрела для него письма Летелье, являвшегося в период Фронды государственным секретарем³⁶. Спустя две недели Люблинская в ответном письме обещала просмотреть письма «в ближайшие 2–3 дня» и просила «прислать

³³ Вольфцун Л.Б. Цит. соч. С. 154-156.

³⁴ Можно предположить, что конфликт какое-то время носил «заочный» характер. В открытой форме разногласия, вероятно, проявились в крайне отрицательной рецензии Поршнева на изданную в 1947 г. книгу Вайнштейна. По форме рецензия отчасти напоминала инвективу, или письмо в вышестоящие инстанции. Поршнев обвинял автора в некритическом следовании за буржуазными фальсификаторами и нашел в его книге массу «пороков» и «напускной «научности, недостойной советского ученого». См.: Поршнев Б.Ф. Рец. на кн.: Вайнштейн О.Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М.: Госполитиздат, 1947. 216 с. // Советская книга, 1948. № 8. С. 58-63. В письмах Поршневу от Е.В. Бернадской, которая была тогда аспиранткой кафедры Средних веков ЛГУ, упоминаются Люблинская, Вайнштейн и его книга о Тридцатилетней войне, но нет никаких следов намечившегося конфликта. Бернадская, относившаяся тогда к Поршневу с огромным и неподдельным пиететом и особенно ценившая его дар теоретика, переводила для него итальянские донесения из Франции о восстаниях. См.: Письма Е.В. Бернадской Б.Ф. Поршневу / Публикация С.В. Кондратьева // Средние века. 2012. Вып. 73 (3-4). С. 33-46.

³⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Далее: АСПБИИ РАН). Ф. 13. Оп. 1. Письмо Б.Ф. Поршнева А.Д. Люблинской от 6 января 1946 г.

³⁶ Там же. Письмо Б.Ф. Поршнева А.Д. Люблинской от 19 марта 1947 г.

палеографические вопросы»: «Выпишите их на отдельном листе, указав № автографа, страницу и строку – я сверю с оригиналом»³⁷. Через неделю Люблинская уже просмотрела все письма Летелье, нашла среди них только одно, в котором речь шла о восстании³⁸, и позднее выслала его копию Поршневу заказным письмом³⁹. В середине мая Люблинская выражала беспокойство из-за того, что до нее не дошел список «палеографических недоумений» Поршнева и просила поторопиться с его высылкой⁴⁰. Из-за занятости – «увлечен “вылизыванием” своей книги» – Поршнев ответил только через полтора месяца, сообщив, что получил «весьма полезную выписку» из Летелье. Кроме того, он с выражением «бесконечной благодарности» писал о готовности прислать «список непонятых <...> мест». В этом же письме Поршнев пророчески выразил сожаление, что не может познакомить ее с текстом книги «до печати – Вы заметили бы многие промахи и недостатки»⁴¹. Люблинская была, очевидно, среди тех, кому автор первым подарил свою книгу о народных восстаниях перед Фрондой. Она получила ее, судя по письму Поршнева, вероятно, в июне 1948 г. В начале июля Поршнев написал, что ждет от нее «суровой компетентной критики. Ваше мнение мне особенно интересно и важно знать»⁴².

Приведенная переписка показывает, что Люблинская была человеком в высшей степени обязательным и дисциплинированным. Она неизменно и быстро выполняла просьбы и делала «расшифровку» тех «мест» манускриптов, прочтение которых Поршневу не давалось. Именно за «ценные палеографические консультации» он поблагодарил ее в предисловии к своей книге⁴³.

Однако вскоре Поршневу предстояло узнать, сколь точна использованная им фигура речи «суровая и компетентная критика».

***Книга «кишит ошибками... И все же
в ней можно найти добросовестные страницы»***

14 сентября 1948 г. состоялось объединенное заседание кафедры истории Средних веков и сектора истории Средних ве-

³⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее: ОР РГБ) Ф. 684. К. 35. Д. 10. Л. 4. Письмо А.Д. Люблинской Б.Ф. Поршневу от 23 марта 1947 г.

³⁸ Там же. Л. 2. Письмо А.Д. Люблинской Б.Ф. Поршневу от 7 апреля 1947 г.

³⁹ Там же. Л. 1. Открытка А.Д. Люблинской Б.Ф. Поршневу от 17 мая 1947 г.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ АСПБ ИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Письмо Б.Ф. Поршнева А.Д. Люблинской от 27.05.1947.

⁴² Там же. Письмо Б.Ф. Поршнева А.Д. Люблинской от 07.07.1948.

⁴³ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 16.

ков научно-исследовательского исторического института Ленинградского университета⁴⁴. Председательствовал О.В. Вайнштейн, который, несмотря на разногласия с Поршневым, никаких критических замечаний не высказал. Напротив, он заметил, что книга Поршнева первая по теме, она писалась двадцать лет, отличается смелостью и новизной, на нее опубликованы положительные рецензии. В книге есть положения, которые расходятся «с существующими». Особенно это касается трактовки Фронды, как репетиции Французской революции XVIII в. «Все это вместе усиливает интерес к ней и требует обсуждения»⁴⁵.

Затем слово взяла Люблинская. Ее доклад показывает, что за два месяца она основательно «прощудировала» книгу и написала о ней длинный текст (37 машинописных страниц)⁴⁶, который, как она отметила, представлял собою «лишь небольшую часть <...> наблюдений, сложившихся при изучении книги». Многие она вынуждена оставить «в стороне» и останавливается только на тех вопросах, которые ее «интересуют особо»⁴⁷.

Вначале докладчица подробно охарактеризовала композицию книги, конструкция которой, хотя и сложна, но имеет «известную логическую стройность», похвалила за издание 79 документов, которые опубликованы «хотя и не безупречно, но, в общем, неплохо»⁴⁸. Затем, характеризуя работу и «огромную заслугу автора» по изучению восстаний в целом, она сказала о ней много хорошего, делая упор на слове «впервые». Впервые «народные движения <...> поставлены в центр не только книги, но и в центр мысли автора». «Впервые в изучении этого периода в истории Франции <...> конкретизирована мысль о народных массах, как истинных творцах исторического процесса». «Впервые в науке продемонстрирован их колоссальный размах». Впервые и «в отличие от буржуазной историографии <...> весь акцент <...> суждения о природе Фронды устремлен на роль народных масс. Они и только

⁴⁴ Номинальная структура. Основан в 1947 г. См.: Ковалев С.И. Исторический научно-исследовательский институт Ленинградского университета // Вестник ЛГУ. 1947. № 6. С. 175-176.

⁴⁵ АСПБИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Стенограмма. Ленинградский Государственный ордена Ленина университет Исторический факультет. Объединенное заседание кафедры истории средних веков и сектора истории средних веков научно-исследовательского исторического института ЛГОЛУ, посвященное обсуждению книги проф. Б.Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623 – 1648)». Л. 1-3.

⁴⁶ Там же. Л. 4-40.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Л. 6, 8.

они составляют истинную силу оппозиции абсолютизму». Вывод автора о роли народных масс, подчеркнула Люблинская, «представляется <...> совершенно правильным»⁴⁹.

При изложении содержания Люблинская пошла от теоретических глав книги к конкретике, к приведенному в работе эмпирическому материалу. Первым делом она остановилась на характеристике буржуазии, ее «сближении» с абсолютизмом и сразу же заявила о несогласии с автором. Поршневу, говорила она, полагая «всю французскую бюрократию буржуазной», «помещая все верхи города в буржуазию скопом», дифференциации чиновничества не произвел, посчитал, «что вся огромная армия чиновников однородна в <...> процессе политического сближения с дворянским государством, и значение этого явления одинаково для всего чиновничества в целом»⁵⁰. По сути Поршневу, заявляла она, рисует предельно упрощенную социальную картину. По ее мнению, верхушка французской буржуазии, аноблировавшись и овладев сеньориями, стала особой «замкнутой кастой», закрыв снизу путь в свою среду и «полностью слившись путем браков со старым родовым дворянством и даже знатью». Она «не порывала со своими должностями и не забрасывала их, а прочно, зубами и когтями, держалась за них и охраняла их как свою кастовую собственность». Чиновники, «будучи <...> и крупнейшими феодалами землевладельцами-дворянами», дорожили налоговым иммунитетом и дворянскими привилегиями⁵¹. «Чиновничья аристократия», говорила Люблинская, стала дворянской. Дворянским был главный оппозиционный орган времен Фронды – Парижский парламент. «Если у парламентов до Фронды еще была связь с прочим чиновничеством и торгово-промышленной буржуазией (но только связь, а не буржуазное средство), то после Фронды парламент окончательно превращается в чисто дворянское и крайне реакционное учреждение». Она, в отличие от Поршнева, который полагал, что первый этап Фронды, когда ее возглавлял Парижский парламент, был «неудавшейся буржуазной революцией»⁵², настаивала на том, что Парижский парламент «боролся за свои чисто

⁴⁹ Там же. Л. 7-8.

⁵⁰ Там же. Л. 10, 20.

⁵¹ Там же. Л. 11-14, 15.

⁵² Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 125, и особенно С. 571. Цит: «Если бы буржуазия возглавила эти гигантские клокочущие силы в обще-французском масштабе, это была бы буржуазная революция. Именно так и началась Фронда».

кастовые привилегии» и восстал против попыток «очень сильно опустошить карманы» своих членов. Он «неоднократно делал это и в прошлом». Люблинская склонялась к тому, что Фронда была «феодалной реакцией», стремившейся воспрепятствовать становлению абсолютизма, который в это время был «за прогресс» и против партикуляризма⁵³.

Затем Люблинская перешла к разбору представленного в книге материала и построениям автора, заметив, что обычно «обширные и надежные сведения <...> в хорошей и компетентной работе <...> проступают и в большом и малом». Но «в разбираемой книге они, как правило, не проступают. Наоборот, она полна ошибок, кишит ошибками самого разного типа»⁵⁴. «“Разгадка Фронды” <...> оказалась вовсе не легкой и, по сути, в книге не осуществлена»⁵⁵.

Народные движения, по ее словам, разбираются в книге «поверхностно», их анализ «пестрит» ошибками⁵⁶. Исследовательницу не удовлетворила «методика» использования документов из архива Сегье и «прием» описания городских и крестьянских – «без различения» – восстаний. Методика состоит из «злоупотребления» «огромными цитатами» без анализа, которые перегружают книгу и просто сопровождают «схему» восстаний. Анализ восстаний отсутствует. Книга с точки зрения хода восстаний осталась, на ее взгляд, «незавершенной». Вместо анализа городских и крестьянских восстаний, говорила Люблинская, «описываются» друг за другом народные движения с генерализирующим выводом. «В конце же глав <...> дается общая, суммарная их характеристика, выявляется <...> общее лицо». Причины восстаний и их различия остались абсолютно не изучены автором книги. Сами восстания утратили индивидуальные черты и приобрели в книге «бескрасочно-серый, стандартный вид»⁵⁷.

Вместо изучения причин, полагала Люблинская, Поршнев ограничился простыми констатациями роста налогов, не проделав работу по выяснению их объемов и топографии. Именно поэтому его декларация о том, что «бедность крестьян вызывалась эксплуатацией их феодалными сеньорами, а бедность плебейства – капиталистической эксплуатацией» осталась недоказанной.

⁵³ АСПБ ИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 7, 16, 17, 19, 20, 53.

⁵⁴ Там же. С. 18.

⁵⁵ Там же. С. 20.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 21, 22- 23.

Крестьянские выступления, направленные против налогов, не были антидворянскими, как утверждал автор книги. Они были аналогичны средневековым жакериям. А «те единичные факты, которые в книге даны, просто смехотворны по своим микроскопическим размерам и не внушают доверия без проверки». Плебейские выступления городов оказывались антиналоговыми, а не антибуржуазными, «ибо никаких выступлений против <...> мастеров, хозяев, не удается обнаружить совсем»⁵⁸.

Вторая часть книги, посвященная восстанию «босоногих» в Нормандии 1639 г., казалось бы, говорила Люблинская, должна развеять часть сомнений, возникающих при чтении первой части, но и она разочаровывает. Описание экономики Нормандии не опирается на надежные данные, так как мемуары интендантов конца XVII в. не могут быть корректными в отношении его начала, а единственного и старого исследования «историка Бодриара» недостаточно⁵⁹. Поршневу рисует картину растущего налогового гнета для провинции, но простое сопоставление платежей «за годы 1616–1632», замечает Люблинская, показывает ее безосновательность: «общая сумма платежей не только не увеличивается, но даже уменьшается <...> В годы <...> без восстаний (до 1623 г.), Нормандия платила даже больше, чем в тяжелые» годы Тридцатилетней войны⁶⁰.

Очевидное объяснение роста налогов военными расходами на Тридцатилетнюю войну, говорила она, Поршнева не удовлетворяет. Следуя за «Политическим завещанием Ришелье», автор книги полагает, что почти половину доходов (46%) поглощал буржуазный государственный аппарат («его приобщают к феодальной системе эксплуатации») отчасти благодаря получению процентов по государственным кредитам, что было своеобразной платой абсолютизма буржуазии за лояльность, чтобы буржуазия «не объединилась с революционными силами»⁶¹. Проверив подсчеты Поршнева по «Политическому завещанию Ришелье», Люблинская пришла к выводу, что «расчет Б.Ф. Поршнева с начала до конца неверен». По ее данным, главной статьей расходов были траты на

⁵⁸ Там же. Л. 28- 30.

⁵⁹ Там же. Л. 30-31; Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 431 – 437; Vaudrillart H. Les populations agricoles de la France. Normandie et Bretagne. P., 1885.

⁶⁰ АСПБИН РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 32.

⁶¹ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 501.

войну. В 1639 г. на это ушло 65% доходов. Содержание аппарата управления и выплата рент поглотили 25%. Ришелье, подчеркивает Люблинская, не собирався увеличивать доходы держателей рент и кредиторов, а напротив, стремился сократить их: «Уменьшить доходы некоторых рантье на 25%, <...> сократить на 1/3 жалованье финансовых чиновников и <...> произвести в течение семи лет выкуп части рент и должностей, т.е. он вовсе не собирается покровительствовать кредиторам государства, а, наоборот, частично ущемить одних, и совсем развязаться с другими». По ее мнению, война требовала денег, и Ришелье, «считая народ мулом, который обязан трудиться», сознательно шел на увеличение налогов, ясно осознавая, что налоги вызовут восстания и волнения. Люблинская, в отличие от Поршнева, считала, что французское государство Генриха IV и Ришелье не испытывало никакого страха перед народом⁶².

Критика Люблинской построений Поршнева была жесткой, ироничной, но на нее можно было найти возражение и аргументы, сослаться на различие точек зрения и подходов. Если бы только ею дело и ограничилось, то большой опасности такая критика не представляла бы. Однако Люблинская нашла время проверить переводы рукописей и сопоставить цитаты⁶³. Выявленные ею нелепые ошибки в переводах и цитировании делали ее критику просто убийственной для научной репутации Поршнева. Воспроизведем ее, указав ошибки Поршнева, отмеченные Люблинской, вместе с ее переводами.

В опубликованном в книге документе под № 42 о восстании в Туре есть фраза «Je renvoie ce jourdhuy les prévôts qui n'estoint venus trouver [?]», которая в подлиннике написана иначе: Je renvoie sejour d'huy les prévôts qui *m'*estoint venus trouver («Я отправляю сегодня обратно полицейские отряды, которые ко мне явились»). В прочтении же Поршнева полицейские отряды, напротив, не явились. «А из текста книги остается непонятным, кто подавлял восстание в Туре»⁶⁴.

В документе под № 63, где речь идет о налогах и восстании в Монпелье в 1645 г. приводится фраза «toutes les **maistres** des

⁶² АСПБ ИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 33 – 38.

⁶³ Сопоставление ее выступления и текста монографии Поршнева показывает, что переводы Люблинская проверяла по его публикации документов в приложении к книге и, если документ не публиковался, то непосредственно по рукописям Рукописного отдела ГПБ, а также обращалась к тем опубликованным источникам, которые цитировал Поршнева.

⁶⁴ Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 234, 684; АСПБ ИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 23, 24.

mestiers» («всех ремесленных мастеров»)), которая «невозможна во французском языке при любой орфографии, ибо – прилагательное женского рода, а существительное – мужского», а должно быть «*toutes les maitrises des mestiers*» («все цеховые ремесла»). Столь странное прочтение исследовательница объясняла тем, что буржуазия, по Поршневу, в восстании не участвовала и осталась лояльна властям, чего не скажешь о ремесленниках. «А разница существенная, – заключала она, – мастера – буржуазия, а ремесленники – плебеи»⁶⁵.

Документ под № 67 представляет собой донесение герцога Сюлли из Гренобля, где говорится, что, узнав о подстрекательстве к мятежу, герцог оперативно вмешался, отправил курьера к господам Бершеру (Berchere) и Лотьеру (Lotiere), которые командовали отрядом находящегося в городе наместника провинции герцога Ледигьера (Lesdiguières), организовал ночное патрулирование улиц и, тем самым, пресек возможное волнение. Согласно Поршневу, восстание не произошло из-за «совершенно определенной позиции, занятой с самого начала буржуазной гвардией Гренобля», а согласно Люблинской – из-за «наличия отряда» герцога Ледигьера, что пресекло восстания в самом зародыше»⁶⁶.

Затем Люблинская воспроизвела ошибочные переводы Поршнева, которые она классифицировала как «удивительные»⁶⁷. «Если Вы распустите» (*si vous la licencies*) из донесения из Дижона интенданта Мишо (1635) у Поршнева превратилось «если вы будете смотреть на это сквозь пальцы»⁶⁸.

На с. 320 Поршневу привел итальянскую цитату из донесения венецианского посла Контарини от февраля 1637 г.: «Народ при сладостном имени мира предался мятежам», что должно было доказывать: Франция не могла «длительно продолжать участие в войне из-за состояния народных масс». Люблинская замечает, что народ, измученный войной, не мог восстать против мира; донесение относится к 1638 г., в нем идет речь о «заговоре феодальной знати», а февраль 1637 г. упомянут послом по венецианскому «счету». На самом деле донесение повествует о намерении герцога Орле-

⁶⁵ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 262, 702; АСПБНИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 24-25.

⁶⁶ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 271, 705; АСПБНИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.

⁶⁷ АСПБНИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.

⁶⁸ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 42; АСПБНИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 25-26.

анского и графа Суассона двинуться на Париж с двумя армиями, чтобы принудить короля заключить мир и отстранить от власти Ришелье. И им легко будет «поднимать народ на мятеж при помощи сладостного слова “мир”». «Иными словами, – подытоживала она эту часть критики, – проект мятежа для достижения мира переведен Б.Ф. [Поршневым] в реальность»⁶⁹. Справедливости ради заметим, что Поршнеv дословно воспроизвел в книге фразу, переведенную для него с итальянского Бернадской, которая хотя и писала о плане принцев, но почему-то при переводе этой фразы использовала глагол не в будущем времени, а в прошедшем и совершенного вида. Опять-таки заметим, что Бернадская присылала из Ленинграда Поршнеvu цитаты на двух языках, размещая их параллельно друг другу. Автор книги мог бы проверить, если бы знал итальянский язык⁷⁰.

На с. 73 книги Поршнеva сообщается о смертном приговоре Жану де Фетту, «дворянину <...>, который очертя голову сделался капитаном в войсках бунтовщиков». Сверив перевод с оригиналом (документ № 18), Люблинская указывает: «не Жан де Фетт бросился в восстание “очертя голову”, а ему отрубили голову (eust la teste tranchée) по судебному приговору», и подытоживает: «Поистине так залихватски переводить можно только очертя голову»⁷¹.

В книге имеются и другие ошибки. Гренобль назван столицей Прованса, хотя он – столица Дофине⁷². Целый лист в выступлении Люблинской занимает перечень ошибок Поршнеva в передаче французской терминологии и должностей. Перечислим: «Дижонский муниципалитет (Messieurs de ceste ville) переводится, как «буржуазная милиция» Дижона; «полицейские комиссары (Messieurs de la police) называются «людьми порядка»; «генеральный наместник провинции» по тексту книги многократно именуется по-разному (генерал-лейтенант, лейтенант-генерал, военный

⁶⁹ Поршнеv Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 320; АСПБII РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 26.

⁷⁰ Письма Е.В. Бернадской Б.Ф. Поршнеvu. С. 44.

⁷¹ Поршнеv Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 73, 661; АСПБII РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 26-27. Ср.: «Et lautre donne a lencontre de Jean de Fettes dit Lamothe Grignolz gentilhomme de naissance quy eust la teste tranchee capitaine dans les troupes des mutins qui estoit a la suite du Turc et qui fut prins a Sainte-Foy, Nous avons donne autre jugement de mort a Sainte-Foy tant a lencontre de Leonard Bonami»

⁷² Поршнеv Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 271; АСПБII РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 25. Отметим, что есть в книге места, где столицей Прованса правильно назван Экс. См. например: Поршнеv Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 142.

комендант, генеральный наместник, военный наместник и военный наместник или комендант; для Нормандии этот термин, на ее взгляд, лучше переводить, как «помощник начальника полиции Нормандии», главный судья бальяжа (гражданское лицо) превращен в военного наместника бальяжа⁷³. Эту терминологию, подчеркивает Люблинская, она проверила по имеющейся в Ленинграде литературе. Но остались термины, «идентифицировать» которые она не могла из-за отсутствия литературы⁷⁴.

В ходе своего выступления Люблинская несколько раз подчеркивала, что книга содержит невероятно большое количество ошибок⁷⁵, а итоговое заключение сформулировала так: «Ни общие, ни частные выводы автора, ни даже описание отдельных событий и их использование не могут быть приняты на веру. Для того, чтобы книгу можно было использовать, ее надо проверить всю, от начала до конца <...>. Но если ее проверить всю от начала до конца, то ею нельзя будет пользоваться (последнее предложение дописано Люблинской карандашом – *Авторы*)»⁷⁶. В ходе последующего обсуждения она говорила, что натыкалась на ошибки на каждой странице книги, и что в своем выступлении назвала не более чем 1/10 всех ошибок⁷⁷. Тем не менее, она сочла возможным заметить: «И все же в ней можно найти добросовестные страницы», не указав, правда, какие именно из них она имеет ввиду⁷⁸.

Резюме Вайнштейна по итогам обсуждения сводилось к констатации: построенная Поршневым на ошибках «теория повисает в воздухе <...>. Книгу Б[ориса] Ф[едоровича] нельзя рекомендовать нашему читателю»⁷⁹.

«Я думаю, в книге нет добросовестных страниц»

Обсуждение книги Поршнева в секторе истории Средних веков Института Истории АН СССР заняло две пятницы – 17 и 24 декабря 1948 г.⁸⁰ По итогам обсуждения 24 декабря сектор истории Средних веков выдвинул эту книгу на Сталинскую премию⁸¹.

⁷³ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 76, 83, 135, 141, 146, 177-188, 200, 205, 260, 340, 361, 392; АСПБ ИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 27.

⁷⁴ АСПБ ИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 27.

⁷⁵ Там же. С. 21, 25, 26, 40.

⁷⁶ Там же. Л. 40.

⁷⁷ Там же. Л. 49-50.

⁷⁸ Там же. Л. 52.

⁷⁹ Там же. Л. 57, 58.

⁸⁰ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 78, 192.

⁸¹ Там же. Л. 191.

В архиве Института российской истории РАН сохранились неполные протоколы обсуждения. Причем текст большого выступления Люблинской от 17 декабря, по-видимому, оставленный ею организаторам, по недоразумению попал в протокол от 24 декабря⁸².

То, что это выступление имело место именно в первый день дискуссии, видно по реакции оппонентов, в частности, З.В. Мосиной, чьи ответы Люблинской не только не спонтанны, а, напротив, продуманы и хорошо выстроены⁸³. Кроме того, протокол от 24 декабря содержит еще одно выступление Люблинской – непосредственный ответ ее критикам, который и по тональности, и по аргументации существенно отличается от сказанного ею неделей раньше⁸⁴. И, наконец, Е.А. Косминский, закрывая заключительное заседание, обронил, что Люблинская выступала в оба дня⁸⁵. Текст ее выступления в Москве сохранился в 4 экземплярах – трех машинописных и одном рукописном. Две машинописные копии и рукопись находятся в архиве СПБИИ РАН, одна машинописная копия – в архиве ИРИ РАН. Все машинописные копии абсолютно идентичны, что видно по машинописным и рукописным исправлениям и сделанным от руки французским вставкам⁸⁶.

Заседание 17 декабря вел Косминский, который сразу предоставил слово Поршневу, и тот пространно изложил цель и основные идеи книги. Цель – «доказать, что народная оппозиция, народное сопротивление <...> было основной формой оппозиции абсолютизму». Идея – «во Франции XVII в. друг другу противостояли две мощные материальные силы: народ сопротивлялся эксплуатации и, сила государства подавляла это сопротивление. Вся политическая история разыгрывалась в поле борьбы этих двух основных сил»⁸⁷. Отсюда и метод написания работы и отбор материала, который позволил, не останавливаясь на детальном описании восстаний, показать их многочисленность, силу народного сопротивления, классовую борьбу, и только эскизно обозна-

---

⁸² Там же. Л. 111-117, 128-144, 121-127, 118-120. Всего 33 листа. Листы выступления Люблинской в АИРИ РАН лежат последовательно, но снабжены странной нумерацией, которой мы здесь следуем.

⁸³ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 78-85.

⁸⁴ Там же. Л. 152-158.

⁸⁵ Там же. Л. 187.

⁸⁶ АСПБИИ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-33. При написании данного раздела статьи мы пользовались стенограммой, хранящейся в АИРИ РАН.

⁸⁷ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 195-196.

чить сопутствующую тему экономического состояния Франции, ее налогов и бюджета⁸⁸.

О критических замечаниях Люблинской, сделанных в Ленинграде⁸⁹, Поршневу говорил в несвойственной ему мягкой и деликатной манере. Он поблагодарил исследовательницу за «скрупулезное прочтение» книги, за сравнение переводов и оригиналов, за все выявленные неточности, посетовал на непреодолимые подчас трудности по «расшифровке» манускриптов, сказал, что ему «крайне досадно и больно» за сделанные в переводах ошибки. Но, по его словам, ошибок в его работе «немного», а большая их часть «приписана» ему «для числа или по недоразумению». А те, что есть, касаются «терминологии» и являются «предметом спора». Пересчитанный им еще раз бюджет Ришелье, показывает не только его ошибку, но и ошибку Люблинской. Заявление ленинградской исследовательницы о том, что ею представлена только десятая часть ошибок, по словам Поршнева, осталось декларацией, «сделано в кредит» и предполагает, что следует «полагаться на доверие». Ленинградская исследовательница просто «раздувает» «промахи» и «описки» автора монографии, «пытается создать тенденцию», ставящую под сомнение его научную квалификацию⁹⁰.

Замеченные А.Д. Люблинской ошибки в переводах и опубликованных документах, представляются ему «маленькими», из которых «не проистекает решительно ничего»⁹¹. Свое прочтение слова «maïstres» вместо «maitrises», Поршневу признает ошибочным. Но из-за неправильного перевода из книги не следует, замечает он, что «мастера – это буржуазия, а ремесленники – это плебеи»⁹². Что касается фразы «Je renvoÿe cejour d’huy les prevosts qui m’estoint venus trouver», где он при публикации перепутал буквы – вместо «m», напечатал «n» – из-за чего не смог фразу правильно прочитать, то Поршневу предъявил письмо самой Люблинской с расшифровкой по его просьбе этого слова. И в нем ее рукой вместо «m» была написана литера «n». При этом Поршневу довольно про-

⁸⁸ Там же. Л. 198 – 202.

⁸⁹ Стенограмма ленинградского заседания, вероятно, была получена в Москве. О том, что она отправлена из Ленинграда Поршневу, писала находившаяся в Ленинграде в командировке и работавшая с французскими рукописями в Рукописном отделе ГПБ его аспирантка А.В. Мельникова. ОР РГБ. Ф. 684. К. 5. Д. 2. Л. 8 об. Письмо А.В. Мельниковой Б.Ф. Поршневу от 7 октября 1948 г.

⁹⁰ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 206-209.

⁹¹ Там же. Л. 210.

⁹² Там же. Л. 210-211.

зрочно намекнул на то, что Люблинская специально написала слово неправильно, чтобы потом «раздуть» ошибку⁹³. Характеризуя в заключение ее критический доклад, Поршнев назвал его «недостаточно добросовестным» и «вредящим» самой Люблинской⁹⁴.

Избранная Поршневым деликатная, но несколько снисходительная манера ответа на замечания, которая, вероятно, по его замыслу, должна была умиротворить рецензента, вызвала совершенно противоположный эффект. Взяв слово⁹⁵, Люблинская, прежде чем зачитывать подготовленный доклад, который окажется абсолютно новым, сначала сказала, что бюджеты в «Политическом заведении Ришелье» надо сводить, используя буквально все имеющиеся издания памятника и рукописи, курьез с литерами «m» и «n» в слове «m'estoint» объясняется тем, что Поршнев прислал ей для проверки только само слово, а не всю конструкцию, и курьез, таким образом, является «опиской». Затем она заявила, что из всех сделанных замечаний в Ленинграде она исключает только фразу о том, что книга содержит «добросовестные страницы». «От этого своего замечания я отказываюсь. В книге нет добросовестных страниц»⁹⁶.

Московский доклад Люблинской не содержал даже ритуальных похвал и был полностью критическим. В нем разбиралась исключительно первая часть монографии Поршнева, посвященная городским восстаниям. В Москве Люблинская отказалась от анализа книги в целом, хотя и не от ее общей характеристики. Но эта характеристика, по замыслу рецензентки, очевидно, логично вытекала из многочисленных ошибок в изложении историй самих восстаний.

В своем докладе Люблинская сразу отметила, что критиковать книгу Поршнева «очень трудно», поскольку вся она «покоится на ошибочных данных». Поэтому докладчица не может говорить об общем, о концепции, и вынуждена сконцентрироваться на «примерах», но список их неизбежно, особенно в устном докладе, окажется ограниченным. И, как следствие, может сложиться впечатление, что остальные страницы основательны. Для того, чтобы «исчерпать все (подчеркнуто Люблинской – *Авторы*) ее замеча-

⁹³ Там же. Л. 170об., 214- 215, 217-218.

⁹⁴ Там же. Л. 215, 218.

⁹⁵ Выступление Люблинской длилось, судя по поздней реплике Поршнева, полтора часа. См.: Там же. Л. 164 об.

⁹⁶ Там же. Л. 111, 219 – 219 об.

ния» и показать всю ничтожность текста следует, по ее словам, написать «десять докладов, которые приблизились бы по своему объему к самой рецензируемой книге»⁹⁷. Как и в Ленинграде, она много говорила о курьезных переводах Поршнева. Характеризуя восстание в Тулузе, со ссылкой на мемуары Ришелье, он пишет, что восставшие «грозили поджечь <...> город», а в самом тексте написано «разграбить»⁹⁸. Пассивная форма глагола во фразе «le duc de Brissac fust conseille» («герцогу Бриссаку посоветовали») передается активной «по совету губернатора»⁹⁹. Безличная форма глагола во фразе «il me fut tesmoigne [si ardemment] au nom du peuple» («от имени народа было горячо заявлено») переведена как личная «губернатор столь пылко выразил от имени народа». Причем «о губернаторе в этом контексте ни слова», отмечает Люблинская¹⁰⁰. В донесении президента тулузского парламента сказано «[le peuple n'a ny tue, ny brusle dedans nostre ressort], comme dans celluy du Parlement de Bourdeaux, qui est a nostre voysinage» («в нашем округе народ не жег и не убивал, как бордоском»), в книге это переведено «народ никого не убивал и ничего не сжег в пределах нашего судебного округа, также как (подчеркнуто А.Д. Люблинской – *Авторы*) и в пределах соседнего округа». Иначе говоря, «противопоставление превратилось в аналогию», поскольку в донесении сказано, что «в соседнем округе народ и жег и убивал». «Une fois» – «хоть раз», Поршнева перевел «еще раз»¹⁰¹. Стр. 140 книги, повествующая о прибытии Людовика XIII в Дижон, говорит Люблинская, содержит «лишь три верные фразы» (какие именно она не уточняет – *Авторы*)¹⁰². По мнению исследо-

⁹⁷ Там же. Л. 112.

⁹⁸ Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 186; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 144. Вот это место из Мемуаров Ришелье, где ясно написано «грабить». «Presque au même temps, sur la fin de juin, une semblable sédition s'étant élevée à Toulouse, le parlement fit pendre et étrangler à l'arbre du Palais un nommé Aloy, vitrier, qui s'étoit fait chef de quelques séditieux qui vouloient piller la ville sous ce prétexte». См: Collection des mémoires relatifs a l'histoire de France. Mémoires du cardinal de Richelieu. P., 1823. P. 505.

⁹⁹ Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 194, 659; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 144.

¹⁰⁰ Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 183, 649; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 144. У Поршнева написано «Бурдейль» и далее по тексту. Бурдейль, согласно Поршневу, был заместителем сенешаля провинции, согласно Люблинской, сенешалем. См.: Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 182, 649; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 123.

¹⁰¹ Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 185, 646; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 121, 139, 144.

¹⁰² АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 121.

вательницы, автор монографии также ошибается в передаче собственных имен («всякое собственное имя, не встречающееся в русской литературе, затрудняет Б[ориса] Ф[едоровича]») и названий некоторых городов – д'Эстамп вместо д'Этамп (D'Estampes), Сен-Джемс вместо Сен-Жам (Saint-Jammes) и т.д., список большой¹⁰³.

По словам Поршнева, напоминает Люблинская, в книге упомянуто о сотнях имевших место во Франции восстаний, а его список содержит 118 восстаний. По ее мнению, историк восстаниями именуется мелкие беспорядки и сильно преувеличивает их число, «раздувает» факты, а некоторые восстания «существуют только в воображении» автора. Она обратилась к изданным каталогам Парижской национальной библиотеки и печатным инвентарям парижских и провинциальных архивов, и выяснила, что неопубликованных документов по восстаниям XVII в. осталось немного: «Не более <...> сотни», а неизвестных не существует вообще. Сам список из 118 восстаний тоже остается во многом списком упоминаний. Проведя сверку и подсчеты по книге, она пришла к выводу, что в Поршнева в разной степени описал не более 23 восстаний¹⁰⁴.

Остановившись на качестве анализа городских восстаний, Люблинская, как и в Ленинграде, заявила, что они плохо проанализированы, а сопровождающие их длинные цитаты «будят воображение», но не способствуют пониманию. Они не вписаны в общий контекст «финансовой и политической истории Франции» и в контекст «конкретной истории городов». Если причины восстаний как-то в работе обозначены, то их «следствия» – нет. Сопоставления восстаний либо отсутствуют, либо их сравнение (производство «отзвуков»¹⁰⁵) осуществляется странным образом. Например, сравниваются восстания в Байонне и Анжере (1641), который, по словам Поршнева, находится «несколько севернее» Байонны. Но Анжер – это север Франции, а Байонна – город у Пиренеев. Между восстаниями, согласно рецензентке, нет территориальной связи, они различаются по охвату, и отсутствует их анализ¹⁰⁶. А если восстания, действительно, охватывали большую территорию, то нигде они не протекали одинаково, даже если причина у них бы-

¹⁰³ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 134.

¹⁰⁴ Там же. Л. 113-117, 128.

¹⁰⁵ Термин Б.Ф. Поршнева. См.: Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 220, 297. АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 129-130.

¹⁰⁶ Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 223-229; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 129-131.

ла общая. «Каждое протекало в особой обстановке, имело свою специфическую закономерность, определявшие его результаты, его следствия». В работе по-настоящему не охарактеризованы плебейство и буржуазия. Страницы с их характеристиками Люблинская характеризует как «наиболее дефектные»¹⁰⁷.

Из 23 городских восстаний, описанных Поршневым, Люблинская самым пристальным образом рассмотрела 5.

1) Восстание в Абвиле (у Поршнева Аббевиль – *Авторы*) 1636 г., которого не было. Фразу из донесения (документ № 13) «fait la plus part des factions ordinaires» («несет большую часть обычных караулов»), автор перевел, как «учинять большую часть обычных беспорядков», получив тем самым городское волнение¹⁰⁸.

2) Восстание в Ренне (1636), где были демонстрации, угрозы, и даже «высаженные окна в доме интенданта», но не было самого восстания. В донесениях интенданта, частью которых воспользовался Поршнева, речь идет не о народе, а о парламенте Ренна, поскольку все чиновники Бретани, столицей которой был Ренн, оказались обложены займом, а сама провинция должна была собрать дворянское ополчение (бан и арьербан) для борьбы с испанцами. Заем раскладывался только среди «богатейших людей провинции». Следовательно, заключала Люблинская, демонстрации были вызваны не возмущением народа, у которого не было повода возмущаться, а спровоцированы парламентом Ренна и быстро улеглись после вмешательства губернатора. «Восстания не получилось, так как для него не было настоящей причины»¹⁰⁹.

3) Восстание в Амьене (1636), которое действительно имело место. Его учинили ремесленники, оно было направлено против налогов, подавлено губернатором и «буржуазной гвардией», но в книге о восстаниях курьезным образом оказалось только упомянуто¹¹⁰.

4) Восстание в Ажане (1635), причиной которого стал налог на вино. Восстание «кровопролитное», принявшее характер расправы с представителями местной власти», вызвавшее быстрый, «ор-

¹⁰⁷ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 299-321; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 119-120.

¹⁰⁸ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 192-193; 657; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 131-133.

¹⁰⁹ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 193-196, 658-660; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 133-140.

¹¹⁰ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 191-192, 280-281, 652; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 140-142.

ганизованный» ответ «ажанской буржуазии». «Эти моменты в книге Поршнева, – отмечает А.Д. Люблинская, – отсутствуют. Характер восстания остался не понятным и не раскрытым»¹¹¹. Заметим, что у Поршнева в описании, действительно, отсутствует причина восстания (налог на вино) и не говорится о его подавлении. Но жестокость в отношении жертв восставших у него обозначена¹¹².

5) Восстание в Перигё (1635). Его описание автором книги, подчеркивает исследовательница, «представляет собой шедевр <...> непонимания и странных переводов. Тут он <...> превзошел самого себя». Перечень замечаний занимает 2 листа. Вот они коротко.

В источнике (документ № 7): «Мэр и уголовный судья поссорились на площади между собой» (lesquels avoient heu ensemble quelques parolles sur la place). Перевод: «Дабы они могли вместе выступить перед народом»¹¹³. В источнике: «Жители предместья привели к властям одного из крестьян <...>, не желая одобрять это злое деяние (речь об убийстве – *Авторы*)» ([les habitants du fauxbourg nous amenèrent un passant] <...> de voulant pas approuver cete mauvaise action)». Перевод: «Один из крестьян, участвовавший в убийстве, был схвачен и доставлен в город. Сначала он запырлялся...». В этом же тексте «волнение» (combustion) в городе (Vous voyes Monseigneur quelle sorte de negociations il nous fauli avoir pour empescher la combustion de cette ville) Поршнев истолковывает, как «угрозу сжечь город». Городские ворота («portes») превращаются «в выходы из дома интенданта»¹¹⁴. Описывая бегство «представителей власти» из Перигё, автор «сливает двух персонажей» – сенешаля и главного судью перигорского сенешальства – «в одно лицо»¹¹⁵.

Давая характеристику «буржуазной гвардии» (городской милиции) во время погромов и восстания в Перигё, Поршнев замечает, что в нее «вмешался низкий люд», из-за чего она перестала быть «буржуазной», и это обеспечило успех восстания. Но исключительный факт «демократизации» буржуазной гвардии не находит в книге объяснения. Это тем более странно, продолжает язвить

¹¹¹ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 142-143.

¹¹² Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 168-173.

¹¹³ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 180, 647; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 143.

¹¹⁴ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 179 -182, 183, 184, 647 - 651; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 124, 143 – 144.

¹¹⁵ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 182, 649; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 123.

Люблинская, что Поршневу везде утверждает, что буржуазия могла возглавлять восстание, если плебейство поддерживалось крестьянством, а в окрестностях Перигё «крестьяне убивали габелеров», но здесь единичный и случайный факт смерти человека, по ошибке принятого за сборщика налогов, Поршневу превратил в широкое обобщение. Люблинская разъясняет, что в Перигё, среднем, административном городе, не было «значительного слоя буржуазии», поэтому в гвардию входили ремесленники, «мелкий люд». И источник нигде не пишет, что «ремесленники влились в буржуазную гвардию». В нем сказано, что капитан отряда, охранявший тюрьму не смог справиться с толпой, так как «потерял власть над своим отрядом, в котором есть и простой народ» (*n'ayant peu estre maistre de sa compaignie meslee de gens de peu*). Иначе говоря, под пером Поршнева заурядная константная повседневность превратилась в «несуществующий», и «не укладывающейся в никакие рамки» процесс «демократизации буржуазной гвардии». Здесь же у него опять *factions ordinaires*, т.е. караулы, превратились в заговор. Он не хочет считаться с тем, что «депутаты от восставших» (противореча тому, что он увидел) уже через неделю требуют от губернатора «восстановить» до этого сокращенную гвардию и заменить не справившихся с волнениями капитанов¹¹⁶. Восстание в Перигё, подытоживает Люблинская, «подверглось у Б[ориса] Ф[едоровича] такому кардинальному искажению, что от него не осталось буквально камня на камне», и восстание «надо изучать заново»¹¹⁷.

Продемонстрированная ею степень изученности пяти восстаний, Люблинская это несколько раз подчеркивает, является примером, остальные восстания изучены аналогично. Степень изученности и анализа сказалась на выводах исследования. Из пяти выводов три банальны и давно известны: 1) восстания носили по преимуществу антиналоговый и 2) частично не антиналоговый характер, 3) восстания в городах были плебейскими. Четвертый вывод о том, что не налоги вызвали разорение народа, а его общая бедность, Люблинская считает недоказанным и, более того, ошибочным. Именно налоги, абсолютистское государство, а не сеньоры и мануфактуристы в это время «истощали народ», настаивает она. Пятый вывод – о том, что восстания не были локальными, а

¹¹⁶ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 47, 182 – 183; 649 – 649; АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 125 – 126.

¹¹⁷ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 126.

продолжались во времени и расширялись в пространстве, остались, по ее мнению, не доказанным¹¹⁸.

В ходе своего выступления Люблинская постоянно говорила об «ошибках», об их «бесконечном числе», о «поверхностном взгляде», «воображении», «раздувании фактов», «искаженных, непонятных фактах», «искажении источников», «поверхностном изучении источников», «фантазиях», «фантастических переводах», «небрежности» автора¹¹⁹.

Ею рассмотрены пять восстаний, но, замечает она, «одного не было совсем, другое вряд ли можно назвать восстанием, третье и четвертое носили совсем другой характер, пятое искажено настолько, что описание его принять нельзя <...>. Точно также обстоит дело с прочими 18 восстаниями <...> и с крестьянскими восстаниями <...>, и с восстанием «босоногих»¹²⁰.

Общий вывод Люблинской о книге Поршнева был резко негативным. «Б[орис] Ф[едорович] оказался счастливым обладателем примерно двухсот рукописных документов, но освоить и понять их не смог <...>. Задача изучения народных восстаний во Франции XVII века не выполнена Б[орисом] Ф[едоровичем]»¹²¹. «Книга испорчена»¹²². Ее «фундамент <...> недостоверен, ненадежен», а «страницы <...> утратили основное качество, обязательное для исторического исследования, – достоверность»¹²³.

Свое заключение она повторила еще раз, неделей позже, отвечая защитникам Поршнева и своим критикам, которые поспешили объявить ее «последовательницей закоренелой буржуазной историографии»¹²⁴. Люблинская не отрицала, что во Франции «был огромный напор народных движений», а внутренняя политика страны «зидилась на <...> беспокойствии». Однако народные движения нельзя изучать «небрежно», «неряшливо»¹²⁵.

Отвечая Люблинской в своем заключительном слове, Поршнеv использовал ее же риторическую фигуру: признал за ней «крупницы истины», которые «тонут в огромной массе недобросовестности». Более того, он поставил под сомнение компетенцию самой

¹¹⁸ Там же. Л. 118 - 119.

¹¹⁹ Там же. Л. 112, 113, 116, 118, 121, 117, 126, 127, 128, 143.

¹²⁰ Там же. Л. 127.

¹²¹ Там же. Л. 118, 120.

¹²² Там же. Л. 121.

¹²³ Там же. Л. 143.

¹²⁴ Там же. Л. 153, 158.

¹²⁵ Там же.

рецензентки: она не могла за два месяца изучить то, что он изучил «за 12 лет упорного труда». Замечания ее «немногочисленны». И вообще, кто такая Люблинская? Маститый ученый? Нет, пренебрежительно отвечает Поршневу, всего лишь «палеограф» (sic!). Где ее многочисленные труды? «По истории Франции XVII в. Александра Дмитриевна <...> опубликовала всего одну историографическую статью на 5-ти страницах». Вот пока она «не напишет исследования, в которых все будет правильно», ей нет «оснований верить»¹²⁶.

Поршневу, обращаясь к присутствующим, большая часть которых ему симпатизировала, обвинил Люблинскую в незнании «специфических особенностей французского языка XVII в.» и «незнании основ истории (подчеркнуто Поршневым – *Авторы*) французского языка». Ссылаясь на словарь Ларусса (Petit Larousse illustré), он доказывал, что в XVII в. «буква «S» после гласных «E» или «A» «в именах собственных еще произносилась». А для исторических имен XVI–XVII вв. «произнесение «S» является обязательным и в настоящее время». Поэтому должно быть, как в книге, «Эстамп» и т.п.¹²⁷. Упрекая его, подчеркнул он, она руководствовалась «апломбом»¹²⁸. Слово «faction», настаивал Б.Ф. Поршневу, ссылаясь на «Лексикон» к мемуарам де Реца¹²⁹, следует переводить как «крамола», «противозаконное выступление», «собрание», а «combustion», как «сожжение», «волнение». Для перевода, отмечал он, важен контекст, хотя сам, в отличие от Люблинской, в своем выступлении контекста не касался. Вероятно, у де Реца, описывающего борьбу и соперничество группировок во время Фронды, возникающие и распадающиеся альянсы, слово «faction», действительно, означало «фракцию», «партию»¹³⁰, а в цитируемом Поршневым документе «караул», «стражу».

Поршневу также обвинил Люблинскую в незнании французских учреждений, институтов и местных администраций XVII в. В своей работе, подчеркнул выступающий, он, называя конкрет-

¹²⁶ Там же. Л. 163 – 166. Речь о статье: Люблинская А.Д. Ришелье в исторической литературе XIX—XX вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 112-117.

¹²⁷ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 166 – 167.

¹²⁸ Там же. Л. 167.

¹²⁹ Вероятно Б.Ф. Поршневу имеет ввиду следующий справочник: *Regnier A. Lexique de la langue du cardinal de Retz: avec une introduction grammaticale.* Paris, 1896.

¹³⁰ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 167 – 168. О том, что у де Реца слово «faction» означает «партию», «группировку» см.: *Stefanovska M. La politique du cardinal de Retz: Factions et passions.* Rennes, 2008. P. 111-153.

ную французскую должность, везде в скобках указывал ее оригинальное французское наименование. Иначе говоря, он давал не перевод, чего не заметила Люблинская, а «истолкование одного и того же названия». Чаще всего у него это касалось «lieutenant généraux», которое могло обозначать не только наместников провинций, но и наместников городов и судейских¹³¹. Помимо этого, Поршнеv обвинил Люблинскую в незнании социальных и экономических реалий. Если она основным источником бедствий масс считала усиливающийся налоговый гнет государства, то Поршнеv упорно приписывал налогам лишь отягчающее значение, оставляя главный гнет за феодальной эксплуатацией сеньоров¹³². Логика Поршнева понятна: народные восстания были направлены против «феодализма» целиком, а не против такого его сегмента, как абсолютистское государство. В противном случае невозможно было нарисовать картину несостоявшейся буржуазной революции.

Все прочие аргументы Люблинской Поршнеv назвал «ученым туманом», «сплетением петель», а «критику лишь немного соответствующей истине». Его исследование, отметил он, отнюдь не охватывает почти все восстания, большинство из которых она восстаниями не считает. Даже он не смог включить в книгу все им опубликованное. А если собрать материал из французских архивов, то он будет «грандиозным» и можно написать еще одну монографию, равную по объему его книге¹³³. Он настаивал на том, что события в Абвиле (Аббевиле) и Ренне были восстаниями и обоснованно внесены им в перечень¹³⁴. Относительно восстания в Перигё Поршнеv продолжал придерживаться своей версии: городская гвардия были именно буржуазной и в нее «влился» простой народ; один из представителей власти (интендант) пытался бе-

¹³¹ АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 168 об. – 170. Вероятно, каждый отдельный упоминаемый в книге случай требовал поиска эквивалента на русском языке. Изданная до революции монография П.Н. Ардашева, отмечал Поршнеv, ему в случае «lieutenant généraux» не помогала (Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным. Т. 1—2. СПб., 1900—1906). То, что этим термином именовались должности из разных сфер видно и из современной литературы. См.: например: Малов В.Н. Парламентская Фронта : Франция, 1643-1653. М., 2009. С. 32; Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. С. 245, 266, 267, 283; Ruff J. Crime, justice, and public order in Old Regime France: the Sénéchaussées of Libourne and Bazas, 1696-1789. L., 1984. P. 29.

¹³² АИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 170-170 об.

¹³³ Там же. Л. 172-174, 178.

¹³⁴ Там же. Л. 174-176.

жать; речь шла не о городских воротах, а о «дверях дома интенданта»; фраза про привод властям крестьянина-убийцы – может переводиться по-разному, и вообще, она не переведена, а пересказана¹³⁵.

В конечном счете, Поршневу занял привычную и наиболее выигрышную для себя позицию – поставил вопрос о мотивах критики и методах Люблинской. Он заметил, что она не сказала ничего о его марксистских выводах. Боясь затронуть безупречные выводы, она посягнула на его «лабораторию» и постаралась ее «опорочить». Сущность своих с ней разногласий Поршневу тут же вывел из опубликованной в 1946 г. Люблинской статье о французской историографии, посвященной деятельности Ришелье, где она назвала кардинала «величайшем сыном Франции». И это тогда, воскликнул он, когда «французская историография подняла настоящую свистопляску вокруг Ришелье, как прообразе французского фюрера», когда о нем написал историк «фашистского толка <...> Ла Форс»¹³⁶ и «реакционер и <...> лидер антисоветской пропаганды Мадлен»¹³⁷. Поршневу заявил, что считает французскую науку «буржуазной» и «растленной», а Люблинская – «объективной» и «беспристрастной». Стоя с ним на разных идеологических позициях, она избрала «такой обходной путь», чтобы «опорочить книгу» и «подорвать» его выводы «изнутри»¹³⁸.

Итоги

Обсуждение книги Поршнева, прошедшее осенью–зимой 1948 г. в Ленинграде и Москве, показало, что работа историка вызвала неподдельный интерес среди специалистов по западноевропейскому средневековью и раннему Новому времени. Автор изложил в ней оригинальную концепцию народных движений во Франции первой половины XVII в., свой взгляд на двойственную природу буржуазии и на Фронду как «неудавшуюся буржуазную революцию». Концепция и социологические построения были для него приоритетом, а оставленным эпохой свидетельствам отводилось преимущественно иллюстративное значение.

Люблинская, став главным рецензентом книги Поршнева, в своей критике, напротив, попыталась идти от документов к концепции.

¹³⁵ Там же. Л. 176-178.

¹³⁶ Вероятно, Поршневу имел ввиду 4-х томную работу историка Огюстена Форса. *Force A. Histoire du cardinal de Richelieu*. Т. 1–4. Р., 1932–1947.

¹³⁷ Речь о книге 1933 г. Луи Мадлена. См.: *Madelin L. Grands Serviteurs de la Monarchie. Richelieu-Mazarin. Colbert-Louvois*. Р., 1933.

¹³⁸ Там же. Л. 176-179.

Она в короткий срок проработала объемную монографию и дважды выступила с ее развернутой критикой. При этом ее ленинградский и московский доклады имели разную композицию. В Ленинграде она оценивала монографию в целом. В теоретической части ее не устроила трактовка Поршневым буржуазии и его социальная характеристика абсолютистского государства как «буржуазного» по социальному составу носителей власти, «дворянского» и даже «феодалного» по своей сущности. Люблинская не согласилась с тем, что народные восстания пугали абсолютизм, а Фронта оказалась «неудавшейся буржуазной революцией». Особенно острой критике Люблинская подвергла обращение Поршнева с источниками и, в особенности, рукописными материалами, заявив, что, с одной стороны, он обращается с источниками излишне вольно, а с другой, что не извлекает из них все данные и плохо их анализирует.

Московская критика книги Поршнева Люблинской строилась уже исключительно на источниковедческом анализе документов, преимущественно рукописей, использованных автором при написании первой части работы. По ее мнению, Поршнеv преувеличил массовость и размах народных выступлений и не сумел правильно прочитать ни один из изучаемых документов. Следовательно, делала вывод рецензент, вся созданная им конструкция не может вызывать доверие.

Критика Люблинской не только сеяла сомнения в отношении содержания книги, но и подрывала репутацию автора в профессиональной среде медиевистов. Важно, однако, что в выступлении ленинградской исследовательницы отсутствовал личный мотив. Она руководствовалась исключительно своими профессиональными представлениями.

REFERENCES

- Ардашев П.Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным. Т. 1-2. СПб.: В.С. Балашев и Ко, 1900–1906. [Ardashev P.N. Provincial'naya administraciya vo Francii v poslednyuyu poru Starogo poryadka. 1774–1789. Provincial'nye intendanty. Istoricheskoe issledovanie preimushchestvenno po arhivnym dannym. T. 1-2. Sankt-Petersburg: V.S. Balashev i Ko, 1900–1906.]
- Бирюкович В.В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг. / Сост., вступ. ст., биография, коммент., послесл. О.И. Зезеговой.

- СЫКТЫВКАР: СЫКТЫВКАРСКИЙ ГОС. УН-Т ИМ. ПИТИРИМА СОРОКИНА, 2015 [Biryukovich V.V. Zametki. Dnevnikovye zapisi 1917-1924 gg. / Sost., vstup. st., biografiya, komment., poslesl. O.I. Zezegovoj. Syktyvkar: Syktyvkarskij gos. un-et im. Pitirima Sorokina, 2015].
- Вольфун Л.Б.* От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб: ФЕНИКС, 2008 [Volfcun L.B. Ot Korbijskogo skriptoriya do veka Prosveshcheniya. Iz istorii izucheniya zapadnoevropejskoj kultury v Rossii. Sankt-Petersburg: FENIKS, 2008].
- Гордон А.В.* Историки железного века. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018 [Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. Moscow: Czentr gumanitarnykh inicziativ, 2018].
- Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве // Историк-марксист. 1939. Кн. 5-6. С. 278–279. [Zashchita dissertacii v Voenno-politicheskoi akademii v Moskve // Istorik-marksist. 1939. Kn. 5-6. S. 278–279].
- Ковалев С.И.* Исторический научно-исследовательский институт Ленинградского университета. Вестник ЛГУ. 1947. № 6. С. 175–176 [Kovalev S. I. Istoricheskij nauchno-issledovatel'skij institut Leningradskogo universiteta. Vestnik LGU. 1947. № 6. S. 175–176].
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень: Мандр и К, 2003 [Kondratiev S.V., Kondratieva T.N. Nauka «ubezhdat», ili Spory sovetskih istorikov o francuzskom absolyutizme i klassovoj bor'be: 20-e – nachalo 50-h gg. XX veka. Tyumen: Mandr i K, 2003].
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Борис Поршнева во второй половине 1930-х гг.: от «Мемуаров» де Реца к Фронде и народным восстаниям // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. Т. 52. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 423–439 [Kondratiev S.V., Kondratieva T.N. Boris Porshnev vo vtoroj polovine 1930-h gg.: ot «Memuarov» de Recca k Fronde i narodnym vosstaniyam // Francuzskij ezhegodnik. 2019: Epokha Napoleona i pamiat' o nei. T. 52. M.: IVI RAN, 2019. S. 423–439].
- Кондратьева Т.Н.* Б.Ф. Поршнева в Московском отделении ГАИМК // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 185–188 [Kondratieva T.N. B.F. Porshnev v Moskovskom otdelenii GAIMK // Evropa: Mezhdunarodnyj al'manah. Tyumen, 2005. Vyp. 5. S. 185–188].

- Кондратьева Т.Н.* Борис Федорович Поршнеv и Александра Дмитриевна Люблинская: к истории взаимоотношений // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 2. С. 178-183 [Kondratieva T.N. Boris Fedorovich Porshnev i Aleksandra Dmitrievna Lyublinskaya: k istorii vzaimootnoshenij // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2. S. 178-183].
- Кондратьева Т.Н.* Б.Ф. Поршнеv в поисках наследия русского католика В.С. Печерина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 1(1). С. 123-130 [Kondratieva T.N. B.F. Porshnev v poiskah naslediya russkogo katolika V.S. Pecherina // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2015. T. 1. № 1(1). S. 123-130].
- Кондратьева Т.Н.* От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда // Новый исторический вестник. 2016. № 4. С. 145–164 [Kondratieva T.N. Ot istoricheskoy faktury k sociologicheskim figuram, ili Kak kardinal de Rec obratil Borisa Fedorovicha Porshneva vo frankoveda // Novyj istoricheskij vestnik. 2016. № 4. S. 145–164].
- Люблинская А.Д.* Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 112–117 [Lyublinskaya A.D. Rishel'e v istoricheskoy literature XIX—XX vv. // Voprosy istorii. 1946. № 10. S. 112–117].
- Малов В.Н.* Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М.: Наука, 2009 [Malov V.N. Parlamentskaya Fronda: Franciya, 1643–1653. Moscow: Nauka, 2009.]
- Письма Е.В. Бернадской Б.Ф. Поршневу / Публикация С.В. Кондратьева* // Средние века. 2012. Вып. 73 (3-4). С. 32–46 [Pisma E.V. Bernadskoj B.F. Porshnevu / Publikaciya S.V. Kondratieva // Srednie veka. 2012. Vyp. 73 (3-4). S. 32–46.].
- Поршнеv Б.Ф.* Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. во Франции // Историк-марксист. 1939. Кн. 4. С. 85–93 [Porshnev B.F. Krest'yanskie i plebejskie dvizheniya XVII – XVIII vv. vo Francii // Istorik-marksist. 1939. Kn.4. S. 85–93].
- Поршнеv Б.Ф.* Народные восстания во Франции 20–40 гг. XVII в. // Ученые записки Московского Областного Педагогического института. 1940. Т. 2. С. 3–99 [Porshnev B.F. Narodnye vosstaniya

- vo Francii 20–40 gg. XVII v. // Uchenye zapiski Moskovskogo Oblastnogo Pedagogicheskogo instituta. 1940. T. 2. S. 3–99].
- Поршнев Б.Ф. Вайнтшейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М.: Госполитиздат, 1947. 216 с. // Советская книга, 1948. № 8. С. 58–63. [Porshnev B.F. Vajntshejn O.L. Rossiya i Tridcatiletnyaya vojna 1618–1648 gg. Ocherki iz istorii vneshnej politiki Moskovskogo gosudarstva v pervoj polovine XVII veka. M.: Gospolitizdat, 1947. 216 s. // Sovetskaya kniga, 1948. № 8. S. 58–63].
- Поршнев Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948 [Porshnev B.F. Narodnye vosstaniya vo Francii pered Fronдой (1623–1648). Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1948].
- Поршнев Б.Ф.* Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2003. Вып. 3. С. 194–196 [Porshnev B.F. Kak ya rabotal v SSSR nad knigoy po istorii Francii XVII v. // Evropa. Mezhdunarodnyj al'manah. Tyumen', 2003. Vyp. 3. S. 194–196].
- Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х–1953 г.). М.; СПб: Нестор-История, 2016 [Tihonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h–1953 g.). Moscow, Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016].
- Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М.: Наука, 2012 [Zaturova S.K. Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII–XV vekov. M.: Nauka, 2012].
- Baudrillart H.* Les populations agricoles de la France. Normandie et Bretagne. Paris: Librairie Hachette et cie, 1885.
- Collection des mémoires relatifs a l'histoire de France. Mémoires du cardinal de Richelieu. Paris: Foucault librairie, 1823.
- Mousnier R.* La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen: Editions Matigard, 1945.
- Ruff J.* Crime, justice, and public order in Old Regime France: the Sénéchaussées of Libourne and Bazas, 1696–1789. London: Croom Helm, 1984.
- Stefanovska M.* La politique du cardinal de Retz: Factions et passions. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2008.